

Культурная идентичность как психосоциальный интерфейс

А. Н. Назаренко

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Предметом исследования является идентичность человека как социальный и культурный феномен современности. Исследуются как социальные так и психические аспекты человеческого самосознания и самопрезентации в социокультурной среде. Более детальное рассмотрение феномена социокультурной идентичности позволяет говорить о её существовании в двух регистрах – воображаемом и символическом. Важным функциональным аспектом идентичности является её экстериоризация – способ раскрытия внутренних когнитивно-эмоциональных переживаний самотождественности индивида во внешней социокультурной среде. Экстериоризация идентичности рассматривается как условие и основание взаимодействия человека и общества.

Содержание. Идентичность рассматривается как интерфейс, соединяющий внутренний мир личности с внешней социокультурной средой. Выделяется два типа идентичности: символическую (социоцентричную, выраженную через язык и социальные роли) и воображаемую (антропоцентричную, проявляющуюся через творчество и образы). На основе теорий Эриксона и Лакана показывается, что современная культура движется в сторону усиления воображаемой идентичности, что отражает стремление человека к большей автономии и свободе от предписанных социальных рамок.

Выводы. Основным результатом исследования является построение интерпретационной модели идентичности как психосоциального интерфейса, функционально соединяющего внутреннее психическое пространство индивида с внешней социокультурной средой. Значимым результатом исследования является синтез концепции идентичности, разработанной в рамках эго-психологии Э. Эриксона, с триадой Реальное-Воображаемое-Символическое Ж. Лакана. К результатам можно отнести и проведенный в исследовании подробный анализ форм экстериоризации идентичности, явленной в разных регистрах. Если символическая идентичность раскрывается концептуально, то воображаемая идентичность – образно. Кроме этого, в исследовании было показано, что социокультурная идентичность динамична, она меняется во времени и отвечает логике усиления эмансипационных тенденций в культуре и обществе. Лейтмотивом этих изменений является ослабление роли символической идентичности и усиление воображаемой.

Ключевые слова: идентичность, культурная идентичность, структурный психоанализ, воображаемое, символическое, культурная антропология, философия культуры, философская антропология, интерфейс, медиафилософия.

Для цитирования: Назаренко А. Н. Культурная идентичность как психосоциальный интерфейс // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 3. – С. 64–79. DOI: 10.35231/18186653_2025_3_64. EDN: SXYZWA

Original article
UDC 008(075.8)
EDN: SXYZWA
DOI: 10.35231/18186653_2025_3_64

Cultural Identity as a Psychosocial Interface

Aleksei N. Nazarenko

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

Introduction. The subject of the study is human identity as a social and cultural phenomenon of modernity. Both social and mental aspects of human self-awareness and self-presentation in a socio-cultural environment are investigated. A more detailed examination of the phenomenon of socio-cultural identity allows us to talk about its existence in two registers – imaginary and symbolic. An important functional aspect of identity is its exteriorization – a way to reveal the inner cognitive and emotional experiences of an individual's identity in an external socio-cultural environment. The exteriorization of identity is considered as a condition and basis for the interaction of man and society.

Content. Identity is considered as an interface connecting the individual's inner world with the external socio-cultural environment. Two types of identity are distinguished: symbolic (sociocentric, expressed through language and social roles) and imaginary (anthropocentric, manifested through creativity and imagery). Based on the theories of Erikson and Lacan, it is shown that modern culture is moving towards a strengthening of the imaginary identity, reflecting the human striving for greater autonomy and freedom from prescribed social frameworks.

Conclusions. The main result of the research is the construction of an interpretative model of identity as a psycho-social interface that functionally connects the inner mental space of an individual with the external socio-cultural environment. A significant result of the research is the synthesis of the concept of identity, developed within the framework of E. Erickson's ego psychology, with the triad Real-Imaginary-Symbolic J. Lacan. The results include a detailed analysis of the forms of exteriorization of identity, manifested in different registers, carried out in the study. If symbolic identity is revealed conceptually, then imaginary identity is revealed figuratively. In addition, the study showed that socio-cultural identity is dynamic, it changes over time and corresponds to the logic of strengthening emancipation trends in culture and society. The leitmotif of these changes is the weakening of the role of symbolic identity and the strengthening of the imaginary one.

Key words: identity, cultural identity, structural psychoanalysis, imaginary, symbolic, cultural anthropology, philosophy of culture, philosophical anthropology, interface, media philosophy.

For citation: Nazarenko, A. N. (2025) Kul'turnaya identichnost' kak psixosocial'nyj interfejs [Cultural Identity as a Psychosocial Interface]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 64–79. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2025_3_64. EDN: SXYZWA

Введение

«Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю!» – когда-то восклицал Архимед. Это знаменитое высказывание сегодня известно каждому школьнику как знак дерзновенности человеческого разума, науки и знания перед Природой. Действительно, в этом высказывании постулируются: 1) «Архимед» – субъект; 2) «Земля» – объект; 3) «переворачивание» – действие; 4) «опора» – условие. Схема проста, если не тривиальна. Но обратим внимание здесь лишь на последний компонент. Из высказывания Архимеда очевидно, что речь идет об опоре рычага, однако если несколько глубже посмотреть на описываемую древним физиком ситуацию, некоторая «опора» должна быть и у Земли, и у самого Архимеда, в противном случае нам было бы очень сложно понять, кто и что переворачивает и переворачивает ли вообще. Спустя столетия в физике эта маленькая недосказанность была разрешена введением такого важного инструмента естественнонаучного познания, как система отсчета. Но вернёмся к анализу высказывания Архимеда. В общих чертах описанная античным естествоиспытателем четырехчастная схема лежит в основе классического естествознания и классической формы рациональности, но этот афоризм тем не менее может дать нам определенный образ для понимания проблемы уже не физической, а социокультурной.

Подставим в картину Архимеда следующие переменные: 1) место «Архимеда» займет социальный субъект, человек со своим внутренним психическим миром, мыслями, суждениями, воспитанием и т. п.; 2) место «Земли» как физического обиталища человека займет иное обиталище – социальная система, выступающая для отдельного индивида социокультурной средой; 3) место «переворачивания» займет комплекс социальных связей и взаимодействий, в которых человек активно воздействует на социокультурную среду своего обитания и эта среда также воздействует на человека – определяет его социальные, культурные и даже психические параметры; 4) место «опоры» займет идентичность, то есть то, что позволяет человеку чувствовать социокультурную опору под своими ногами, то, от чего он отталкивается в своих взаимодействиях со средой и, наконец, то, без чего немислима социокультурная среда как непрерывная целостность, как система.

Подобно тому как в афоризме Архимеда именно от точек опоры зависело, перевернет ли грек Землю, или же Зем-

ля грека, в изучении человека в контексте его социальных и культурных связей, отношений и взаимодействий именно идентичность оказывается в центре нашего внимания. Идентичность не только связывает внутренний, сугубо интимный, психический мир субъекта с внешними для него общественными реалиями, идентичность как ответ на фундаментальное автореферентное вопрошание «кто я?» задает, если продолжать аналогию с естествознанием, систему отсчета для социума и культуры. Чтобы пролить свет на проблему идентичности, ниже мы постараемся показать двойственность её природы (а возможно и то, что идентичность существует как нечто двойственное), а также предложим рассмотреть идентичность как психосоциальный интерфейс.

Теоретические и методологические основания

Методологическая основа данной работы реализована в духе постструктуралистского анализа и деконструкции некоторых положений теории идентичности развитых в русле эго-психологии, структурного психоанализа, структурной и объектно-ориентированной социальной теории. Для интерпретации феномена культурной идентичности применяется мультиметодологический подход, позволяющий комбинировать структуралистские, экзистенциалистские и постмодернистские ракурсы рассмотрения проблемы социокультурной идентичности. Выбор столь эклектичного исследовательского подхода продиктован широкой (не столько объемной, сколь разноплановой) теоретической основой. Рассмотрим её подробнее.

Исследования идентичности начались во второй половине XX века в рамках эго-психологии. Наиболее важные разработки этой исследовательской проблематики принадлежат Э. Эриксону. Они отражены в таких трудах, как «Детство и общество» [18], «Идентичность и цикл жизни» [17], «Идентичность: юность и кризис» [16]. Нужно отметить и полемизирующую с эго-психологией структурную психологию Ж. Лакана. Его исследования идентичности начались с анализа стадии зеркала [9], а идеи о психических регистрах Воображаемого и Символического, о структурах и особенностях формирования психики собраны и опубликованы в таких книгах, как «Имена-отца» [7], «Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда»

[8] и др. Стоит отдельно отметить весьма подробный анализ идентичности в статье В. А. Лезьер «Идентичность в процессе реконструкции субъективности в дискурсе Жака Лакана» [10].

Воображаемая идентичность, о которой пойдет речь ниже, – относительно новый концепт. Можно сказать, что пока мы находимся лишь на подступах к формированию полноценной теории. В некотором смысле концепт воображаемой идентичности возникает ещё у Б. Андерсона в его знаменитой работе «Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма» [2]. Однако сам термин «воображаемое» у Андерсона трактуется очень широко. Применение же категории «воображаемое» из лаканианской триады к проблеме социокультурной идентичности редки, однако подобное можно увидеть на примере статьи Ю. А. Разинова «Идентичность и творчество: о некоторых проблемах воображаемой идентичности» [13].

Если в целом говорить о современных трактовках идентичности, то стоит обратить внимание на великолепную коллективную монографию «Субъективность и идентичность» [11] вышедшую под редакцией А. В. Михайловского. Книга включила в себя ряд публикаций известных российских философов. Кроме этого, нужно признать вклад в теорию идентичности монографий «Идентичность: личность, общество, политика» [4], а также «Цивилизационная идентичность в переходную эпоху» [6]. Стоит ещё упомянуть, что некоторые из высказываемых здесь идей изложены мной ранее в докладе «Идентичность как социальный интерфейс: воображаемое и символическое “Я”» [12].

Идентичность в настоящей работе трактуется как интерфейс. Известно, что концепт интерфейса широко используется именно в технической сфере. Техническая интерпретация интерфейса, на которую мы опираемся в данной работе, представлена в книге Брендана Хуквея «Интерфейс» [19]. Проблема интерфейсов проникает также и в общественные науки, например, в исследованиях интерфейсов социальных сетей А. В. Щекотурова [15], или в рамках предпринятого Р. Т. Алиевым анализа интерфейса в социокультурном контексте [1]. Однако сегодня применение концепта «интерфейс» выходит за пределы исключительно технической сферы. Так ещё в 2001 году социологом и антропологом Норманом Лонгом была разработана концепция социального интерфейса. Она из-

ложена в работе «Социология развития: акторные перспективы» [20]. Однако Лонг описывает межгрупповые связи, а связь между психическим миром личности и его социальной средой оказывается за пределами его теории.

Анализ и деконструкция феномена культурной идентичности, исследование отдельных её структур как функционирующих в регистрах воображаемого и символического представляет первый шаг данной работы. Интерпретация идентичности в качестве психосоциального интерфейса, анализ специфики воображаемой и символической идентичности на современном этапе становления культуры – это второй шаг. Решение двух этих задач позволит понять культурную идентичность в новом и перспективном свете – как интерфейс, соединяющий психический и социальный мир человека.

Двойственность идентичности: воображаемое и символическое Я

Проблема идентичности человеческой личности актуализировалась в общественных и гуманитарных науках во второй половине XX века. Концепцию идентичности в этот период развивал германо-американский психолог Эрик Эриксон. В его теории идентичность понималась как интеллектуальный и эмоциональный процесс переживания человеком своего Я. При этом, теория Эриксона затрагивала не только психологические аспекты человеческого представления о самом себе, но и социальный аспект самопрезентации человека в обществе.

В своей работе 1968 года «Идентичность: юность и кризис» Эрик Эриксон указывает на двойственный характер идентичности: «Идентичность индивида основывается на двух одновременных наблюдениях: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими» [16, с. 58–59]. Следовательно, самоидентичность Я представляет собой *идентичность-для-себя*, назовем её условно психологической идентичностью. Она является продуктом работы психики индивида и не находится под прямым воздействием каких-либо внешних условий. В то же время, признание самоидентичности окружающими есть продукт социальных взаимодействий индивида. Здесь идентич-

ность формируется как *идентичность-для-других*, и может быть условно названа нами социальной идентичностью.

Концепция Эриксона предполагает понятное органическое разделение психического и социального компонентов идентичности. Эти компоненты сообщаются друг с другом, оказывают друг на друга влияние, и это подводит нас к мысли, что их существование взаимообусловлено и при условии нормального функционирования исключает возможности нарушения их органического сосуществования. Данная интерпретация идентичности предполагает, что любое нарушение в сообщении этих двух органов приводит к разнообразным психосоциальным проблемам. Однако именно нарушения, искажения и разрывы между социальным и психологическим аспектами идентичности представляют особую ценность для изучения. То, что на первый взгляд кажется отклонением от нормы, может в дальнейшем оказаться не патологией, а иной формой существования идентичности, иной формой отношений социального и психического пространств.

Для более глубокого и детализированного анализа феномена идентичности обратимся к структурному психоанализу Жака Лакана. Воспользуемся его триадой *Реальное–Воображаемое–Символическое* [7, с. 4–25]. Данная триада отражает три регистра психического мира человека. Реальное в теории Лакана труднодоступно как для самого субъекта, так и для аналитика. Однако следы Реального можно проследить в регистрах Воображаемого и Символического. Именно в этих регистрах возникает коммуникация, культура, мораль, концептуальное и образное мышление, в этих же регистрах формируется и человеческая идентичность.

С определенной долей условности дуализм Эриксона можно представить как два модуса самосознания человека – воображаемую и символическую идентичность. В чем проявляется условность этой аналогии? В том, что у Э. Эриксона переживание самотождественности Я и признание его таковым окружающими – два органических элемента одного и того же феномена – идентичности человека, но воображаемая и символическая идентичности связаны друг с другом не органически, а диалектически – они не только существуют по-разному, но и в известной мере друг другу противоположны. Теория Лакана в этом смысле позволяет вскрыть проблемы и противоречия в человеческом самопонимании и самопредставлении.

На первый взгляд можно сказать, что идентичность формируется исключительно в регистре символического, ведь именно там возникают такие необходимые для нашего самознания и самопрезентации средства, как язык и Другой [5]. Лакановский «большой Другой» – не другой человек, а некое универсальное условие распознавания своего собственного Я, как бы противопоставленного тому, кем оно не является. Большой Другой – агент социальности в психическом пространстве индивида. Я и Другой формируют фундаментальную бинарную оппозицию, задающую «ось» ментального «пространства», в котором выстраивается идентичность человека. Разметкой этого ментального пространства является язык. Язык есть средство фиксации и артикуляции Я индивида. Проще говоря, чтобы мне как-то обозначить самого себя, будь то в социальном пространстве или же в процессах внутренней саморефлексии, я использую слова, я как бы отвечаю на вопрос «кто я?», используя для этого понятия, термины, концепты. Различение Я и Другого, фиксация этих различий в системе языка есть символизация идентичности. Однако, интерес представляет то, что предшествует этой символизации, – воображаемая идентичность.

Воображаемая идентичность есть концептуально невыразимое представление индивида о своём Я. Это представление суть психическое переживание, которое ещё не знает оппозиции «Я – Другой» и не имеет средств устойчивой формализации. Воображаемое Я спонтанно, подвижно и континуально, в нем невозможно разглядеть устойчивое строение человеческой личности, ведь оно избегает всякой символизации, включая самую прояснимую – языковую. Воображаемая идентичность перверсивна – в ней Я и Другой смешиваются, меняются местами, переплетаются и выдают себя за одно. Н. Н. Суворов отмечает, что «воображаемое раскрывается как модус присутствия» [14, с. 6], и действительно, для воображаемой идентичности нет историчности личности (как смены «был кем-то» на «стал кем-то»), в виду невозможности символизации, воображаемая идентичность событийна и налична. Но как раскрывается и как может быть распознана эта воображаемая идентичность? Воображаемая идентичность тесно связана с работой воображения и, следовательно, с тем как психика производит и воспроизводит

чувственное представление – образ Я. Воображаемое в отличие от Символического пользуется не языком, не терминами и концепциями, а чувственными образами, многозначными, изменчивыми, неподатливыми для строго интеллектуального схватывания. Таким образом, воображаемое психики раскрывается в формах творчества (искусства) и игры, а с ним раскрывается и воображаемая идентичность.

Большую часть истории человеческой культуры воображаемая идентичность находилась будто бы в тени своего символического проявления. Творчество и игры, в которых человек обретал, являл и познавал своё Я, не отличались точностью, конкретностью и ясностью смыслов, в то время как символическая идентичность со времен изобретения письменности стала чуть ли не единственно возможной формой существования представления о собственном Я человека. Действительно, рассказать или описать себя словами гораздо проще и понятнее, чем сообщить то, как человек себя представляет «в глубине своей души». Веками для воображаемой идентичности просто не существовало адекватных средств раскрытия и закрепления в культуре. Живопись и скульптура, песенные и поэтические гимны хоть и ставили перед собой задачи раскрытия воображаемого, но не могли избежать связи с символическим. Предположим, что только изобретение фотографии – технологии «открепления» образов от бытия – стало первым, но революционным по своей значимости шагом для освобождения воображаемого. Сегодня же существует множество путей экстеризации воображаемой идентичности, а её былая призрачность будто бы обросла техническим экзоскелетом фото, видео, аудио, цифровых возможностей современной культуры. Воображаемая идентичность на современном этапе развития культуры становится чуть ли не более прогрессивной формой осознания и презентации индивидом своего Я. Эта актуализация воображаемого отчетливо говорит нам о постепенном переходе от логоцентризма к новому принципу существования культуры, который можно было бы охарактеризовать, возможно, как имагоцентризм, представляющий собой такое состояние культуры, для которого характерен приоритет образного перед концептуальным, сетевого перед иерархическим, виртуального перед реальным.

Идентичность как интерфейс

К сегодняшнему дню в информатике и компьютерной инженерии сложилось устойчивое понимание интерфейса как стыка, границы, соединения, – такого элемента, который обеспечивает связь двух изолированных систем [19, р. 4]. Как правило, связываемые интерфейсами системы – это технические системы. Для них интерфейсы обеспечивают решение целого ряда функций и задач, главные из которых – управление, коммуникация, контроль.

Несмотря на своё техническое происхождение, концепция интерфейса может быть применена в теории идентичности. Ранее уже говорилось о том, что идентичность, согласно классическому определению Эриксона, возникает на стыке переживания Я индивида и чувства признания этого Я окружающими, то есть идентичность как бы «стыкует», соединяет две системы – психическую и социальную. Идентичность – это форма выражения глубинного представления человека о себе самом, но в то же время идентичность есть средство распознавания окружающими индивида как элементарной частицы социальной системы общества, обладающей определенным положением, статусом, функциями и другими характеристиками.

Символическая и воображаемая идентичности представляют собой два разных интерфейса социального и психического пространств. Различия этих интерфейсов проходят, главным образом, в функциональном плане.

Символическая идентичность *социоцентрична*. Она в большей мере ориентирована на то, как человек идентифицирует себя в глазах окружающих, кем он является в отношениях с другими, какое место он занимает в системе социальных отношений. Все эти представления о самом себе проходят через символизацию – структурирование представлений и переживаний, превращение их знаково-коммуникативные объекты. Другими словами, символизация нужна для того, чтобы ясно и четко сообщить другим, кем является индивид. Этот коммуникативный акт инициируется самим устройством социальной системы. Символическая идентичность отдельных индивидов позволяет социальной системе четко определять их место и функциональное назначение, тем самым стабилизируя собственное существование. В основе социальной системы лежит символический порядок [3,

с. 64–87], который основан на добровольном и даже естественном устремлении человека самоименованию, самоопределению и утверждению себя среди других.

Вернемся к концепту интерфейса. Символическая идентичность представляет собой интерфейс, посредством которого социальная система включает в себя индивида. Символическое Я только на первый взгляд свободно конструируется человеком, подлинным субъектом на деле является социальная система, отдельный индивид для неё – агент, управляемый и контролируемый во всех своих социально значимых проявлениях. Парадокс здесь в том, что нам кажется, что через символическую идентичность мы раскрываем всю сложность и глубину собственной личности, но на деле это социальная система назначает нам наше положение, притязания, интересы и т. п. Символические идентичности не изобретаются нами, они складываются в обществе в качестве конвенциональных систем знаков, которые не только информируют, но и предписывают их носителям определенные социальные параметры.

Воображаемая идентичность устроена иным образом. В отличие от символической идентичности, воображаемая *антропоцентрична*. Воображаемое Я человека интимно и кажется труднодоступным для окружающих. Это связано с тем, что воображаемая идентичность образуется в неразделенности представлений о себе и Другом, и с тем, что в нем синкретически спутаны объект и субъект желания. Именно поэтому воображаемая идентичность неустойчива и ситуативна. Этот интерфейс ориентирован не на воспроизводство и стабилизацию социального порядка, а скорее на использование, контроль и подчинение социального порядка индивидом. Более того, творчество и игра как способы раскрытия и экстерииоризации воображаемого направлены на переопределение порядка в интересах субъекта. Именно в воображаемой идентичности проявляется субъект, тогда как в символической – агент. Ключевая проблема воображаемой идентичности состоит в том, что она не может быть четко и ясно (подобно символической) распознана социальной системой. Проще говоря, воображаемое представление человека о самом себе мало понятно окружающим.

Если несколько упростить вышесказанное, то символическая идентичность является социально-психическим интер-

фейсом, посредством которого социальная система стремится подчинить себе индивида, намереваясь полностью предопределять его социальное бытие; воображаемая идентичность, напротив, дает индивиду возможность переопределять символический порядок социальной системы, позволяет сопротивляться её репрессивному воздействию.

Живя среди себе подобных, человек желает четко и ясно понимать, кто есть кто вокруг него, ведь это знание социального порядка, иерархий, знание своего собственного места и своих перспектив. При этом, человек ищет свободу от этого порядка, ведь его может не устраивать положение, он не желает смиряться с предписанным ему местом, с предписанной судьбой, он естественным образом стремится минимизировать всяческое ограничивающее воздействие на него со стороны других людей, общества, стереотипов культуры, и поэтому человек будто бы уклоняется от однозначной определенности. Удивительным может показаться то, что с древнейших времен человек будто бы пытался найти своё место в этом мире, узнать себя и судьбу, прояснить смысл своей жизни, заявить о своем существовании ясно, четко, недвусмысленно, но сегодня мы сталкиваемся с другим положением дел, с тем, что человек стремится избежать определенности относительно себя. Возможно, потому что пришло осознание, что не он источник этой определенности, а ему умышленно и целенаправленно предписывают ту или иную судьбу и смысл. В условиях массового общества, массовых идеологий, тотального социального проектирования и конструирования всего и вся – разве в таких условиях может быть у человека хоть мизерный шанс самому разобраться со своим смыслом и судьбой? Сам факт того, что сегодня происходит актуализация воображаемой идентичности в противовес символической, говорит о том, что такой шанс у человека, у субъекта есть и он им пользуется. Воображаемая идентичность позволяет будто бы уклониться от предписывающего воздействия социально-политической системы, оставляя её в неопределенности и замешательстве.

Выводы

Порой может показаться, что нет ничего сложного в понимании идентичности. Эта видимость носит искусственный

характер. То, что мы привыкли понимать под идентичностью, зачастую представляет собой комплекс идеологических спекуляций, механизмов и механик конструирования и управления социальными организмами. Заметим, никто так часто и настойчиво не обращается к словам об идентичности как политики. Идентичность для них – наиважнейший инструмент сплочения общества в том формате, в каком наиболее удобно этим обществом управлять. Идентичность одновременно предстаёт и как риторический знак необходимости сплочения масс, и как искусственный конструкт, обманчивая вера в естественность которого широко пропагандируется и воспитывается с малых лет. Именно это обстоятельство создает иллюзию простоты, бесхитростности и даже обыденности идентичности. Но вместе с этой обывательской иллюзией неотвратимо происходит и глубокая политическая ангажированность научного понятия «идентичность». Термин будто бы «заражается» своей политической ценностью и начинает жить в таком виде (с доминирующими политическими атрибутами и коннотациями) на страницах учебников, докладов, статей и монографий. В данной работе нам было важно выступить против «захвата» идентичности сферой политики, вернуть её в сферу культуры.

Политика ориентирована прежде всего на символическую идентичность. Её сравнительно легко отделить от человека, вычленив из структуры его бытия, перестроить в соответствие с идеологической программой, и уже измененную (а то и заново созданную) вновь имплантировать в человеческое сознание (через пропаганду, образование и воспитание). Воображаемое не столь подвластно умышленному воздействию. Доступ к регистру воображаемого, а с ним и к воображаемой идентичности, затруднён ввиду неопределенности и неоднозначности, ведь воображаемая идентичность не репрезентируется в системе знаков, а сама есть презентация себя.

Существует также популярное убеждение, что воображаемое есть не что иное, как ложное, вымышленное, нечто идущее вразрез с реальностью и с Реальным. Отнюдь, Воображаемое, как и Символическое, служит раскрытию Реального, которое в свою очередь направляется желанием. Каково содержание Реального – один из сложнейших вопросов, который вряд ли когда-нибудь будет отвечен полностью. Однако те социокульту-

турные процессы, которые мы можем наблюдать в современном мире, говорят, что человек стремится к особому состоянию, которое может быть названо «индивидуальной суверенностью». С одной стороны, эта суверенность предполагает стремление к автономии, а с другой – к социальности. В этом противоречивом желании разыгрывается драма современного человека.

Среди вопросов, которые возникли при написании данной работы отметим, во-первых, вопрос о формах, средствах и о самой возможности экстерииоризации воображаемой идентичности; во-вторых, вопрос о характеристиках и сущности имагоцентризма как определяющей культурной тенденции современности; в-третьих, вопрос о возможности разработки программы эмпирического исследования воображаемых идентичностей. Решение данных вопросов может стать целью дальнейших исследований феномена культурной идентичности.

Список литературы

1. Алиев Р. Т. За гранью юзабилити: критический анализ исследований интерфейса // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2024. – Т. 6. – № 2. – С. 223–259. DOI 10.46539/gmd.v6i2.493. EDN VEIPKS.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон; [пер. с англ. В. Г. Николаева под ред. С. П. Баньковской]. – М.: Кучково поле, 2016. – 413 с.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства: пер. с фр. / общ. ред. пер. Н. А. Шматко. – М.; Ин-т эксперим. социологии; Алетейя. Ист. кн., 2005 (ГУП Тип. Наука). – 288 с.
4. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / И. С. Семенов, В. В. Лапкин, Е. В. Морозова [и др.]. – М.: Весь Мир, 2023. – 512 с. EDN AGNIZL.
5. Киричек Ю. А. Дискурс "Другого": от философских традиций к теории идентичности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – Т. 13, № 4. – С. 42–53. EDN SAGZCD.
6. Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 1024 с. EDN: RAYUXP
7. Лакан Ж. Имена-Отца; [пер. с фр. Александра Черноглазова]; предисл. и общ. ред. Жак-Ален Миллера. – Москва: Гнозис: Логос, 2006. – 84 с.
8. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / [пер. с фр. А. К. Черноглазова, М. А. Титовой]. – М.: Русское феноменологическое о-во, 1997. – 183 с.
9. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию я, какой она раскрывается в психоаналитическом опыте (1946) / пер. с фр. В. Лапицкого // Кабинет: картины мира. СПб.: Инапресс, 1998. С. 136–142.
10. Лезьер В. А. Идентичность в процессе реконструкции субъективности в дискурсе Жака Лакана // *Манускрипт*. – 2020. – Т. 13, № 12. – С. 224–229. DOI 10.30853/mns200563. EDN XGFRMM.
11. Михайловский А. В. Субъективность и идентичность: монография. – М.: НИУ Высшая школа экономики, 2012. – 367 с.

12. Назаренко А. Н. Идентичность как социальный интерфейс: воображаемое и символическое «Я» // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. – 2024. – № 55. – С. 49–50. EDN UFPXNI.
13. Разинов Ю. А. Идентичность и творчество: о некоторых проблемах воображаемой идентичности // Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества: сб. науч. трудов / под ред. М. П. Волкова. – Ульяновск: УГТУ, 2018. – С. 123–134.
14. Суворов Н. Н. Воображаемое как феномен культуры: монография. – СПб: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2018. – 300 с.
15. Щекотуров А. В. Интерфейс социальных сетей как репрезентация культурных смыслов // Слово.ру: балтийский акцент. – 2018. – Т. 9, № 4. – С. 43–53. DOI 10.5922/2225–5346–2018–4–4. EDN YPEYOT.
16. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: учеб. пособие / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых; пер. с англ. [Андреева А. Д. и др.]. – 2-е изд. – М.: Флинта [и др.], 2006. – 341 с.
17. Эриксон Э. Идентичность и цикл жизни. – СПб.: Питер, 2023. – 208 с.
18. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Университетская книга, 1996. – 589 с.
19. Hookway B. Interface. – Cambridge, Massachusetts, London, England: MIT Press, 2014. – 191 p.
20. Long N. Development Sociology: Actor Perspectives. London and New York: Routledge, 2001. – 294 p.

References

1. Aliev, R. T. (2024) Za gran'iu iuzabiliti: kriticheskii analiz issledovaniia interfeisa [Beyond usability: A critical analysis of interface research]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 223–259. DOI: 10.46539/gmd.v6i2.493 (In Russian).
2. Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism] (V. G. Nikolaev, Trans.; S. P. Bankovskaya, Ed.). Moscow: Kuchkovo pole. (Original work published 1983) (In Russian).
3. Bourdieu, P. (2005) *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva: per. s fr.* [Sociology of social space: Trans. from French] (N. A. Shmatko, Ed.). Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; Aleteiia. (In Russian).
4. Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Morozova, E. V., & [i dr.]. (Eds.). (2023) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polia* [Identity: Personality, society, politics. New contours of the research field]. Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
5. Kirichek, Yu. A. (2013) Diskurs "Drugogo": ot filosofskikh traditsii k teorii identichnosti [The discourse of the "Other": From philosophical traditions to the theory of identity]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 13. No. 4. Pp. 42–53. (In Russian).
6. Kondakov, I. V., Sokolov, K. B., & Khrenov, N. A. (2011) *Tsivilizatsionnaia identichnost' v perekhodnoi epokhu: kul'turologicheskii, sotsiologicheskii i iskusstvovedcheskii aspekty* [Civilizational identity in a transitional era: Culturological, sociological and art history aspects]. Moscow: Progress-Traditsiia. (In Russian).
7. Lacan, J. (2006) *Imena-Otsa* [The names-of-the-father] (A. Chernoglazov, Trans.; J.-A. Miller, Ed.). Moscow: Gnozis: Logos. (In Russian).
8. Lacan, J. (1997) *Instantsiia bukv v bessoznatel'nom ili sud'ba razuma posle Freida* [The instance of the letter in the unconscious or reason since Freud] (A. K. Chernoglazov & M. A. Titova, Trans.). Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. (In Russian).
9. Lacan, J. (1998) Stadija zerkala kak obrazuiushchaia funktsiia, kakaia ona raskryvaetsia v psichoanaliticheskom opyte (1946) [The mirror stage as formative of the function of the I as revealed in psychoanalytic experience] (V. Lapitskii, Trans.). *In Kabinet: kartiny mira* [Cabinet: Pictures of the world]. Pp. 136–142. St. Petersburg: Inapress. (In Russian).
10. Lez'er, V. A. (2020) Identichnost' v protsesse rekonstruktsii sub'ektivnosti v diskurse Zhaka Lakana [Identity in the process of reconstructing subjectivity in the discourse of Jacques Lacan]. Manuscript [Manuscript]. Vol. 13. No. 12. Pp. 224–229. DOI: 10.30853/mns200563 (In Russian).

11. Mikhailovskii, A. V. (2012) *Sub"ektivnost' i identichnost': monografiia* [Subjectivity and identity: A monograph]. Moscow: NIU Vysshiaia shkola ekonomiki. (In Russian).
12. Nazarenko, A. N. (2024) *Identichnost' kak sotsial'nyi interfeis: voobrazhaemoe i simbolicheskoe «la»* [Identity as a social interface: The imaginary and symbolic "I"]. *Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnogo i nauchno-tehnicheskogo znaniia* [Actual Problems of Socio-Humanitarian and Scientific-Technical Knowledge], No. S5. Pp. 49–50. (In Russian).
13. Razinov, Yu. A. (2018) *Identichnost' i tvorchestvo: o nekotorykh problemakh voobrazhaemoi identichnosti* [Identity and creativity: On some problems of imaginary identity]. *M. P. Volkov (Ed.), Tvorchestvo i kul'tura v svete filosofskoi refleksii. Tvorchestvo kul'tury i kul'tura tvorchestva* [Creativity and culture in the light of philosophical reflection. The creativity of culture and the culture of creativity]. Proceedings of the VI International Scientific and Theoretical Conference. Ulyanovsk: Ul'ianovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. Pp. 123–134. (In Russian).
14. Suvorov, N. N. (2018) *Voobrazhaemoe kak fenomen kul'tury: monografiia* [The imaginary as a phenomenon of culture: A monograph]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi institut kul'tury. (In Russian).
15. Shchekoturov, A. V. (2018) *Interfeis sotsial'nykh setei kak reprezentatsiia kul'turnykh smyslov* [The social media interface as a representation of cultural meanings]. *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent]. Vol. 9. No. 4. Pp. 43–53. DOI: 10.5922/2225-5346-2018-4-4 (In Russian).
16. Erikson, E. (2006) *Identichnost': iunost' i krizis: ucheb. posobie* [Identity: Youth and crisis: A textbook] (A. V. Tolstykh, Ed.; A. D. Andreeva et al., Trans.; 2nd ed.). Moscow: Flinta. (Original work published 1968) (In Russian).
17. Erikson, E. (2023) *Identichnost' i tsikl zhizni* [Identity and the life cycle]. St. Petersburg: Piter. (Original work published 1959) (In Russian).
18. Erikson, E. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. St. Petersburg: Universitetskaia kniga. (Original work published 1950) (In Russian).
19. Hookway, B. (2014) *Interface*. MIT Press.
20. Long, N. (2001) *Development sociology: Actor perspectives*. Routledge.

Информация об авторе

Назаренко Алексей Николаевич – кандидат культурологии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3065-4622, e-mail: a.n.nazarenko@yandex.ru

Information about the author

Aleksei N. Nazarenko – Cand. Sci. (Cult.), Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-3065-4622, e-mail: a.n.nazarenko@yandex.ru

Поступила в редакцию: 26.05.2025
Принята к публикации: 29.06.2025
Опубликована: 25.09.2025

Received: 26 May 2025
Accepted: 29 June 2025
Published: 25 September 2025